

Глава 46

Сотворение алхимического пламени

«Неужели нет пламени, способного подавить драконью ци?»

Бо Цзюаньши, подперев щеку рукой, задумчиво теребил пальцами сердцевину цветка драконьей крови, перебирая в уме все известные ему виды священного пламени.

Пламя Лазурного Духа... Огонь Изначального Инея... Истинный Огонь Призрачной Иллюзии...
Безмерное Пламя Земли...

Одно за другим названия вспыхивали в его сознании, и одно за другим он их отвергал.

Нет, не то.

Все они были недостаточно сильны.

Осознание того, что до завершения оставался всего один шаг, заставляло Бо Цзюаньши нервничать. Он смотрел на цветок драконьей крови, и в его душе нарастало беспокойство.

«Неужели... нет никакого способа?»

Бо Цзюаньши опустил взгляд. Внезапно его осенила мысль, и он мысленно обратился к Зеркалу Небесного Прозрения, покоившемуся в его кольце-хранилище.

— Ты ведь утверждаешь, что знаешь все. Я хочу очистить цветок драконьей крови. Какое алхимическое пламя мне следует использовать?

Отчаявшись, Бо Цзюаньши решил обратиться за помощью к духу зеркала.

Получив мысленный толчок, зеркало пару раз перекувыркнулось и, потирая воображаемую голову, торопливо ответило:

[Драконы от рождения могущественны, их по праву можно назвать владыками мира. Сравниться с ними может лишь клан фэнхуанов. Только их пламя способно обжечь истинного дракона.]

Слова духа зеркала были правдой.

Драконы и фэнхуаны — два самых благородных божественных зверя в мире.

Десятки тысяч лет назад их положение было равным. Драконы обитали в глубоких морях, а фэнхуаны — на киноварных утесах. Одни правили всеми водными созданиями, другие — всеми пернатыми. Они не вмешивались в дела друг друга и жили в мире.

Многие легенды гласили, что фэнхуаны способны возрождаться из огня. Чувствуя приближение смерти, фэнхуан спускался с дерева утун и взмывал в небеса, чтобы перед богами и духами исполнить ритуальный танец смерти и возрождения.

По завершении танца его тело охватывало пламя — Огонь Нирваны, его изначальное пламя.

Это пламя обладало невероятной мощностью, способной сжечь все сущее. Оно не гасло в воде и было губительно для любой скверны.

Более того, благодаря способности фэнхуанов к возрождению, это пламя несло в себе и могучую жизненную силу. После сожжения в пепле всегда оставалась искра жизни.

Смерть и рождение — идеальное воплощение небесного порядка.

Даже прочнейшая чешуя дракона не могла устоять перед жизненным огнем, способным сжигать саму душу.

Бо Цзюаньши, конечно, слышал легенды о фэнхуанах.

Проблема была в том, что после Войны трех кланов драконы отступили в Безбрежное море и скрылись от мира, а фэнхуаны и вовсе исчезли с Центрального континента на десятки тысяч лет.

Где же ему теперь найти этот истинный огонь фэнхуана?

На этот вопрос дух зеркала лишь молчал. Когда Бо Цзюаньши попытался спросить снова, тот лишь загадочно ответил:

[Это знание затрагивает небесные тайны, а небесные тайны не подлежат разглашению.]

Ответ был равносильен его отсутствию.

Бо Цзюаньши с холодным выражением лица вновь забросил Зеркало Небесного Прозрения в кольцо-хранилище.

Первая проблема была решена, но на ее месте тут же возникла новая.

Однако Бо Цзюаньши не отчаивался. Напротив, чем сложнее становилась задача, тем спокойнее он становился.

В алхимии часто возникают трудности, но если найти правильный подход, любую проблему можно решить.

Раз истинный огонь фэнхуана недоступен, может, есть что-то, что способно его заменить?

С этим вопросом Бо Цзюаньши погрузился в изучение древних свитков. Три дня он провел в бескрайнем море книг.

Наконец, в одном ветхом, полуистлевшем манускрипте он нашел описание весьма необычного метода.

Его случайно открыл бедный странствующий даос.

Будучи вольным заклинателем, он хотел заниматься алхимией, но не мог позволить себе дорогой уголь. Тогда он решил сотворить пламя из своей собственной изначальной ци. Такое алхимическое пламя не только полностью подчинялось его воле, но и становилось сильнее вместе с ростом его совершенствования.

Впоследствии этот даос вознесся и стал бессмертным, а его изначальное пламя, пройдя через закалку небесной скорбью, превратилось в божественный огонь, превосходящий по силе многие природные духовные огни.

Однако в свитке даос отмечал, что этот метод подходит не всем. Необходимо было иметь врожденное сродство с огнем.

Иными словами, чтобы сотворить алхимическое пламя, нужно было иметь в себе «семя огня».

Кто-то рождается с ним, а кто-то — нет. Все зависело от баланса пяти стихий в теле человека.

Бо Цзюаньши не знал, к какому типу он относится.

Но это не мешало ему попробовать.

Узнав, что сотворенное изначальное пламя может расти вместе с силой своего владельца, Бо Цзюаньши не мог не загореться этой идеей.

Как бы ни были хороши внешние духовные огни, они никогда не смогут достичь стопроцентной совместимости с заключившим с ними договор.

Более того, их сила оставалась неизменной. Чтобы ее увеличить, требовалось вскармливать их бесчисленными небесными сокровищами. Этот процесс был не только медленным, но и опасным: окрепшее пламя могло поглотить своего хозяина.

Именно поэтому Бо Цзюаньши всегда был осторожен и не спешил заключать договор с каким-либо алхимическим пламенем.

Если нет гармонии, насильственный союз принесет лишь страдания обеим сторонам.

Бо Цзюаньши хотел пламя, которое будет его слушать, которое будет полностью под его контролем.

А что может быть более подходящим, чем пламя, рожденное в собственном теле?

Приняв решение, Бо Цзюаньши немедленно последовал методу, описанному в свитке, и погрузил свое сознание в дантянь.

Это было место, где зарождалась и куда возвращалась вся духовная энергия тела.

В самой глубине дантяня, в центре, парил маленький, фиолетовый, похожий на младенца силуэт. Чистейшая духовная энергия, оставшаяся после циркуляции по меридианам, непрерывно вливалась в него.

Это была Зарождающаяся Душа Бо Цзюаньши — его уменьшенная копия.

Бо Цзюаньши с любопытством взглянул на нее, а затем отвернулся. Он ни за что не признает, что эта фиолетовая штуковина — это он.

Он направил свое сознание в другую часть дантяня. Здесь все было окутано белой дымкой. Это был не туман, а духовная энергия, настолько плотная, что казалась осязаемой.

Сознание Бо Цзюаньши стояло посреди этого тумана. Его задачей было сжать эту энергию и сотворить из нее искру огня.

Это была грандиозная работа.

Духовная энергия была эфемерна. Она свободно парила в даньтяне, и собрать ее воедино было непросто.

Но как бы ни было трудно, Бо Цзюаньши не отступал.

Он непрерывно направлял свое сознание, и в бушующем вихре сжимаемой и сталкивающейся энергии начали появляться слабые отблески пламени.

Это означало, что в его теле действительно было семя огня.

Это открытие воодушевило Бо Цзюаньши. Усталость, вызванная сжатием энергии, мгновенно испарилась.

Он усилил контроль над духовной энергией, заставляя ее сливаться и сжиматься.

Энергия забурлила, и весь даньтянь содрогнулся.

Боль!

Бо Цзюаньши почувствовал острую, пронзительную боль в даньтяне, словно кто-то пытался расколоть его топором.

Он крепко стиснул зубы, даже не заметив, как прокусил губу.

Все его внимание было сосредоточено на происходящем внутри.

Раз за разом.

Наконец!

После бесчисленных попыток, в момент, когда сжатие достигло своего предела, раздался тихий хлопок, и в его даньтяне зародился крошечный язычок пламени.

Он был еще очень слаб, размером с искорку.

Бо Цзюаньши с облегчением выдохнул.

Как бы то ни было, у него получилось...

Но стоило ему расслабиться, как произошло нечто непредвиденное.

Бо Цзюаньши даже не заметил, как половинка нефритовой подвески на его груди вспыхнула алым светом.

Этот свет имел ясную цель. Он стремительно проник в тело Бо Цзюаньши и ворвался в его даньтянь.

Внутри алый свет вытянулся и принял форму пухлой птицы.

Она открыла свой маленький острый клюв и — ам! — проглотила только что сотворенное Бо Цзюаньши пламя.

Все произошло так быстро, что Бо Цзюаньши не успел даже пошевелиться, как его пламя исчезло.

Его сознание замерло на месте.

А виновница торжества лениво икнула и, взмахнув крыльями, уселась на то место, где только что было пламя.

Сев, ее фигура медленно растворилась, оставив после себя шар золотисто-алого, переливающегося огня.

«Это...?»

Бо Цзюаньши открыл глаза. Он щелкнул пальцами, и пламя, которое он только что видел в своем даньтяне, появилось у него на ладони.

Жаркое, яркое.

В его багрянце, словно песчинки, переливались золотые искры. Красота была почти нереальной.

«...Это мое алхимическое пламя?»

Бо Цзюаньши с сомнением коснулся его пальцем.

Жаркое пламя, казавшееся таким свирепым, в тот же миг, как юноша дотронулся до него, превратилось в ласкового ягненка.

Оно нежно обвило кончик пальца Бо Цзюаньи, ничуть не обжигая его нежную кожу.

Да, это было его пламя.

И по ауре, и по тому, что оно не причиняло ему вреда, оно соответствовало описанию изначального пламени.

Но... что это был за алый свет?

Бо Цзюаньи с любопытством исследовал пламя.

К сожалению, он не нашел ничего необычного, даже следов той птицы.

Оно казалось абсолютно чистым, рожденным для него, словно все произошедшее было лишь иллюзией.

Даос в своем свитке не упоминал ничего подобного. Он лишь писал: «Собери духовную энергию, сотвори алхимическое пламя, когда даньтянь придет в движение, пламя родится».

Ни о каких видениях там не было и речи.

«...Значит, это мой особый случай?»

Бо Цзюаньи на мгновение задумался, чувствуя, что что-то здесь не так.

Но поскольку у него не было никаких зацепок, а само пламя не вызывало подозрений, он, несмотря на сомнения, решил отложить этот вопрос на потом.

Сейчас важнее было проверить его силу.

Он направил искорку огня на шкаф с лекарствами. В мгновение ока шкаф превратился в горстку пепла.

Какая мощь!

Бо Цзюаньи уже представлял, какой разрушительной силой будет обладать оружие, усиленное этим пламенем. Он чувствовал, что огонь был связан с ним, словно продолжение его тела, и подчинялся ему с невероятной легкостью.

Конечно, для алхимического пламени важна была и его способность к очищению.

Бо Цзюань поднес его к цветку драконьей крови.

Пламя столкнулось с драконьей ци, и... пламя одержало верх.

Цветок драконьей крови задрожал и, словно нехотя, сдался.

Получилось!

В глазах Бо Цзюань вспыхнула радость.

<http://bllate.org/book/16979/1590763>